

В.В. СОГРИН

Русская идея и Американская мечта (Размышления над сравнительно- цивилизационным исследованием Э.Я. Баталова)

Опираясь на монографию Эдуарда Баталова, автор сравнивает два национальных мифа – Русскую идею и Американскую мечту. Раскрывается сходство и различие их генезиса, влияния на общество.

Ключевые слова: Русская идея, Американская мечта, предопределение судьбы, национальные ментальности, либеральная демократия, коллективизм.

Basing himself on the monograph of E. Batalov the author compares two national myths – Russian idea and American Dream. He discusses similarities and differences in their genesis and influence on Russian and American societies.

Keywords: Russian idea, American dream, manifest destiny, national mentalities, liberal democracy, collectivism.

Начну с известного суждения: книги делятся на три категории – первые нужно читать и перечитывать, вторые следует прочесть один раз, третьи можно не читать вообще. Недавно вышедшая книга Э.Я. Баталова “Русская идея и американская мечта” (М., 2009), на мой взгляд, относится к первой категории.

Это, впрочем, можно сказать и о других книгах Эдуарда Яковлевича. Еще в советский период он зарекомендовал себя одним из самых творческих и оригинальных отечественных обществоведов. Его работы того периода сохраняют значение и сегодня (см., например, [Баталов, 1982]). Но горбачевский и постгорбачевский (постсоветский) периоды позволили блестящему научному дарованию ученого раскрыться в полной мере (см. [Баталов, 1989; 1990; 1996; 2005; 2008; 2009]). Исследователь расширил диапазон научных исследований – в поле его зрения оказались перипетии не только американского, но и российского общества. Политологические подходы и методологии были дополнены социологическими и футурологическими. Исследования Баталова стали в подлинном смысле междисциплинарными, причем междисциплинарность его работ не искусственна, она органична. Это редкое качество, сравнимое с природным даром. Вот на этой исследовательской платформе Баталов обратился к сравнительному исследованию российской и американской ментальностей, представляющих основания цивилизационных характеристик двух обществ.

Почему вызрела сама потребность сравнения ментальных оснований – *Русской идеи* и *Американской мечты* – двух разнородных цивилизаций? Она естественна – ведь сравнение двух обществ и, все чаще, интеллектуальное “выяснение отношений”

с Америкой на протяжении вот уже 25 лет – “навязчивая идея” российских политиков, писателей, публицистов, журналистов и, конечно, обществоведов. Да и масса простых россиян, о чем свидетельствуют их письма в прессу, звонки на радио и телевидение, а сегодня – и откровения в интернетовских блогах, питаются этой темой. Причем отношение к Америке развивается в высшей степени противоречиво, по сути в диапазоне антиномии “любовь–ненависть”.

Нелишне напомнить, что противоречивость восприятия россиянами Америки характерна для всей истории российско-американских отношений. Вспомним имена таких российских интеллектуалов досоветской истории, как А. Пушкин, В. Белинский, Д. Менделеев, естественно, все славянофилы, которые видели в Америке воплощение голого материального расчета и бездуховности. Но были и те, кто восхищались общественно-политическим устройством Соединенных Штатов, предлагали брать его за образец (вспомним хотя бы ряд декабристов). Но все же для большинства российской политической элиты и интеллектуалов (включая передовых ученых и писателей) была характерна “защитленность” на “оборотных” сторонах этой западной цивилизации, например, “лицемерии” и “бездуховности”. И это при том, что православная “Святая Русь” множила в собственных пределах антиеврейские погромы (евреи бежали от них миллионами в “бездуховную” Америку), продолжала отказывать в элементарных гражданских и политических правах, давно одобренных в западных странах, крестьянству и пролетариату, пестовала в верхнем классе коррупцию и распутищину.

Для СССР и советского руководства в отношении США была характерна особая амбивалентность. Осуждая “реакционный” общественно-политический строй США, оно признавало вместе с тем передовой характер американской техники, достижения которой вполне могли быть позаимствованы самым прогрессивным в мире советским общественно-политическим строем. Эта двойственность в восприятии американских реалий порождала анекдотические суждения о США. Одно из них – знаменитый риторический вопрос главного советского политического обозревателя и “знатока” США брежневской эпохи В. Зорина: “Хороши американские дороги, но куда они ведут?”. Конечно, еще более известно противоречивое отношение к США Н. Хрущева. С одной стороны, он поставил исторической сверхзадачей “похоронить Америку”, а с другой – выдвинул в качестве основополагающей цели своего правления “догнать и перегнать Америку”. Указать взрывоопасному вождю на очевидное противоречие открыто в СССР никто не осмеливался, но авторы анекдотов армянского радио на это решились: “Если Америка катится в пропасть, зачем мы ее догоняем?”.

“Догнать и перегнать Америку” экономически – своеобразная *Великая Советская Мечта*. Она была сформулирована еще И. Сталиным, пестовалась Н. Хрущевым, была унаследована последним Генеральным секретарем и последним советским мечтателем М. Горбачевым. Но при Горбачеве происходит и радикальная трансформация отношения отечественной политической элиты к США и их опыту. Горбачев, вознамерившись соединить социализм с рынком и демократией, объявил последние общечеловеческими ценностями и принялся отрицать принципиальные различия между советской и американской цивилизациями. Эти идеологические манипуляции породили фантастические умозаключения о западных странах, в которых рынок и демократия существовали веками. Некоторые советские духовные гуру, среди них писатель Ч. Айтматов, объявили развитые западные страны, в том числе и США... воплощением подлинного социализма.

Среди советской политической элиты появились и те, кто считали идейные компромиссы Горбачева с США уже недостаточными, требовали не конвергенции социализма и капитализма, а полного отказа от социализма и принятия западной модели в чистом виде. И именно эти политики, главным лидером которых с 1990 г. выступил Б. Ельцин, завоевывали нарастающую поддержку в массах и свершили либерально-демократическую революцию, после которой Ельцин заявил, что Россия и США исповедуют одни и те же ценности, а российские политики стали рассматривать американские образцы как пример для подражания. Противоречивое, но по большей ча-

сти резко негативное отношение советской цивилизации к США сменилось на любовь к ним российской элиты и большинства россиян. Они твердо вознамерились “жить по-американски”.

Но крах ельцинских либерально-демократических “проамериканских” обещаний в 1990-е гг. вновь резко изменил отношение к либеральной демократии и США и большинства россиян, и обновившейся постсоветской элиты. Любовь уступила место неприязни и ненависти. Журналистская, публицистическая и книжная информация о США также наполнилась новым содержанием. Эти перипетии полно осмыслены и отражены в книге Баталова и стали для него одним из побудительных мотивов для объективного и развенчивающего антиномию “любовь–ненависть” понимания сути цивилизационного опыта США.

Другим его важным мотивом явилось критическое осмысление представлений современных россиян – от простых граждан до политиков, журналистов, писателей, ученых – о самих себе. А эти представления как раз полно воплотились в современных дискуссиях о “национальной”, или “русской” идее, новой “национальной” и “государственной идеологии”. Дискуссии возникли на рубеже 80–90-х гг. XX в., не утихают до сих пор. Пестовавшаяся “национальная”, все чаще называвшаяся “русской”, идея, на которую время от времени формулировала “госзаказ” власть, была альтернативой как советской идеологии, так и либерально-демократическому западничеству. Баталов проанализировал умозаключения сонма представителей идеологического поиска. А. Солженицын, А. Гулыга, Г. Гачев, Н. Рыжков, В. Межуев, Н. Моисеев, И. Чубайс, А. Панарин – вот только некоторые наиболее известные среди них. Столь полное рассмотрение – при этом, на мой взгляд, объективное и глубокое (но порой ироничное, что мне по вкусу) – двадцатилетней дискуссии о новой национальной идее я встречаю впервые. Не все современные российские идеологи были антизападниками, напротив, некоторые были озабочены возможностями синтеза “русской идеи” и “американской мечты”, но все же громче звучал голос националистически и антиамерикански настроенных авторов. Некоторые из них совершили идейное сальто-мортале – из западников рубежа 1980–1990-х гг. превратились в ярых адептов русской исключительности и мессианизма: русская духовность объявлялась ими в новой ситуации панацеей от западной, в первую очередь американской, бездуховности. И именно поборники русской исключительности задавали тон на рынке массовой книжной продукции: символизировалась пошлым названием пошлой антиамериканской книжки – “Почему Россия не Америка”?

Многие из современных разработчиков национальной идеи пытались опереться на авторитет тех, кто пестовали “русскую идею” в XIX–первой половине XX в. и кого за подобное философствование советская власть предавала анафеме. Но теперь эти мыслители стремительно вошли в моду, тиражи их книг многократно превзошли в постсоветский период тиражи книг как отечественных западников, так и сохранившихся поборников советских идеологов. И что это за имена (по алфавиту): Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Данилевский, Ф. Достоевский, И. Ильин, Л. Карсавин, В. Розанов, Г. Федотов, С. Франк! Плюс блестящий сонм евразийцев. Выдающийся пантеон философской мысли, каким могла бы гордиться любая страна. Но все эти гиганты были большевиками (прямо или фигурально) высланы из страны на “философском пароходе”. Их духовные искания (о чем советские люди даже не догадывались) продолжались в эмиграции. В постсоветский период их книги вернулись на Родину, взяв блестящий исторический реванш у марксизма-ленинизма и став в высшей степени актуальными. Но их прочтение новыми поборниками Русской идеи было, мягко говоря, не всегда корректно. У Баталова имелись весомые основания вмешаться в спор о смысле Русской идеи, выступить с собственным, на мой взгляд, в высшей степени объективным и деликатным прочтением великих русских мыслителей.

Рассмотрение в одной книге как Русской идеи, так и Американской мечты плодотворно, ибо их очевидный контраст позволяет полное оценить своеобразие и суть каждой. Баталов трактует Русскую идею и Американскую мечту как два великих, не-

подвластных времени национальных мифа, пестовавшихся (в случае России в большей, а Америки – в меньшей степени) интеллектуалами, но опиравшимися на чаяния, социальное подсознание, “озарение” (с. 29) и сознание народа. Понятие *миф* в представлении, по крайней мере, массы россиян, учившихся по советским обществоведческим учебникам (да и постсоветские в отношении к подобным “идеалистическим” категориям мало от них отличаются), обладает отнюдь не позитивным смыслом. Отношение к нему предвзятое. Поэтому со стороны Баталова было отнюдь не лишне, а напротив, очень уместно, дать подробное пояснение смысла национальных мифов в целом. В авторской типологии мифов (условно говоря, позитивных и негативных, например, либеральный и тоталитарный мифы) Русской идее и Американской мечте дается в целом позитивная оценка. Оба они относятся к мифу, берущему “на себя функции, которые не может выполнить наука, но в которых человек всегда испытывал и будет испытывать потребность и которые лишь частично выполняются религией и искусством. Он формирует у членов той или иной общности представление об общей исторической судьбе; сплачивает вокруг общих ценностей и целей – подлинных или мнимых; способствует социальной и (на более поздних ступенях) национально-государственной самоидентификации общности. Миф задает смысл существования данного народа среди других народов земли и оправдывает его пребывание в этом мире” (с. 37). Среди других функций мифа особое значение Баталов отводит *компенсационной*: своими обещаниями он смягчает отчуждение человека от общества, природы, власти, самого себя, служит важным социальным громоотводом. Вот как глубоко и в то же время просто и ясно формулирует сам автор: «В мифе “возмещалось” и “компенсировалось” в специфической форме то, чего субъекту устойчиво не хватало в реальной жизни, или что препятствовало его нормальному функционированию. Социальная мифология – это социетальная психотерапия, которая одновременно и исцеляет, и отдаляет от реальности, примиряет с ней, упрощает и “укрошает” ее, придает субъекту уверенность в себе и вместе с тем опасно завышает его самооценку» (с. 30). Компенсационные возможности, заключенные в разных мифах, различны и зависят от их соотношения с реальностью. Американская мечта, как явствует из анализа Баталова, с которым, на мой взгляд, невозможно не согласиться, к ней приближена в гораздо большей мере, чем Русская идея.

Сравнительной характеристике двух мифов автор уделил самое пристальное внимание. Одно из сравнений выявляет их разное отношение с прошлым, настоящим и будущим. Русская идея есть связующее звено между прошлым (из которого она вырастает), настоящим, в котором она бытийствует как замысел, и будущим. Американская же мечта полностью обращена в будущее, ее воспламеняет уверенность в том, что в долгом героическом путешествии Америка вечно должна идти вверх – все выше и выше. Футурологичность Американского национального мифа, по умозаключению Баталова, во многом объясняется тем, что у иммигрантов, прибывавших в Соединенные Штаты, не было общих корней, общей национальной истории. Их связывала общность материальной жизни, но этого было мало. Требовались общие идейные и духовные узы, сплачивающие нацию. Такими узами и стали представления о будущем.

Различие двух мифов существенно зависит от различия цивилизационной сути двух обществ. Триада, характерная для любой цивилизации – индивидуум–общество–власть, – выстроена в двух обществах в противоположном порядке на протяжении всей их истории. Российская цивилизация – властечетричная, общество и человек вторичны по отношению к власти, ей подчинены. В либерально капиталистической американской цивилизации началом начал является индивидуум, затем следует формирующееся из добровольных ассоциаций людей гражданское общество, а затем обслуживающая их интересы власть. Экономическая, социальная и политическая культуры двух обществ уже по этой причине радикально различны. Отличны их массовые ментальности и мифы. Американская мечта – это миф о новом человеке и даже сверхчеловеке – свободном, предприимчивом, талантливым, самодостаточном, умеющем побороться за свое счастье. Это миф о новой социальной общности, творимой сво-

бодными людьми по собственному выбору. Русская идея в таком выборе человеку и обществу отказывает. Судьба России, согласно ей, предопределена свыше, этому предопределению только и следует подчиняться, любое отклонение губительно и для России, и для мира.

Много места Баталов уделяет хронологии и этапам каждого мифа, в данном случае каждый из них рассмотрен отдельно и обстоятельно. Говоря о возникновении Русской идеи, он присоединяется к тем авторам, которые ведут ее начало от появления в 1860 г. самого этого словосочетания. В таком случае крестным ее отцом, суверенным творцом является Достоевский. Баталов, безусловно, имеет право на такую интерпретацию, хотя мне ближе другое толкование, содержащееся, например, в бердяевской работе “Русская идея”, которая ведет ее начало от гораздо более ранней историософской постановки темы об историческом предназначении России [Бердяев, 1990].

Взгляды классиков Русской идеи проанализированы тщательным образом. Первый среди них, Достоевский, основываясь на попытках европеизации России со времен Петра I, неизменно терпевших неудачу, заключал: “Мы знаем теперь, что мы и не можем быть европейцами... мы не в состоянии втиснуть себя в одну из западных форм жизни, выжитых и выработанных Европою из своих собственных национальных начал, нам чуждых и противоположных...”. Это для классиков своего рода “железный закон”, ибо, как чеканил В. Соловьев, “идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности” (с. 133). Далее классики полагали, что Бог не только уготовил России неповторимую судьбу, но что эта судьба гораздо более счастливая, чем американская. Другие народы могли завидовать предназначению России, а она – широко распространять его, спасая в результате и себя и весь мир от европейского и американского материализма, прагматизма, бездуховности. Классическая Русская идея, проповедующая соборность, нестяжательство, духовную красоту, несет в себе антииндивидуалистический и антикапиталистический характер, и это, согласно классикам, ее преимущество перед Европой и Америкой, ибо капиталистический Запад больше думает об эксплуатации природы, нежели о ее одухотворении и преобразовании. Когда классик говорил “красота спасет мир”, он думал о спасении его Россией, ибо духовная красота – именно ее Божественный дар.

Классическая Русская идея не может не поражать многих из нас сегодня своей оторванностью от российских реалий. Да и не обремененные религиозным детерминизмом современники классиков это замечали. А. Никитенко, видный государственный деятель эпохи Николая I и Александра II, отнюдь не либерал, а “умеренно-консервативный”, как характеризовал его Бердяев, деятель, сокрушался: “Везде насилия и насилия, стеснения и ограничения, – нигде простора бедному русскому духу. Когда же этому конец? Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования?”. Сам Никитенко, в отличие от классиков Русской идеи, видел образцовое общественно-политическое устройство именно в США: “В Северной Америке всеобщее равенство, всеобщая свобода; но законодательствуют, управляют и руководят всем *лучшие*, то есть люди, наделенные высшими способностями и умевшие развить их, поставить на высоту общих возвышенных видов и задач. Дровосек Линкольн, портной Джонсон (Э. Джонсон был президентом США после гибели А. Линкольна. – В.С.), наборщик Франклин вышли из народа и на этом только основании принадлежали к массе, по дарованиям же своим и развитию они стояли неизмеримо выше ее. Дело в том, что там, то есть в Америке, всякому открыты пути быть и делаться тем, чем он может” [Никитенко, 2005, т. 3, с. 238].

А как оценивает классическую Русскую идею Баталов? На мой взгляд, его оценка может служить эталоном научно деликатного отношения к выдающимся религиозным философам, которая, признавая, безусловно, их интеллектуальную незаурядность, включает и критическую компоненту: “...влияние тех представлений россиян о своей стране и о себе, которые нашли воплощение в Русской идее, на общественно-политическую жизнь страны, как впрочем, и на собственную жизнь, не могло не быть противоречивым и амбивалентным. *Русская идея одновременно и помогала России*

утвердиться в мире в качестве самостоятельной и самобытной национально-государственной общности, и тормозила ее развитие. Она и сближала Россию с другими странами, и отдаляла от них, порождая настороженное, а то и откровенно враждебное отношение со стороны иных народов, в первую очередь европейских... Русская идея ориентирует Россию и ее народ на решение трудновыполнимых или вовсе невыполнимых задач... которые осложняют ее реальное земное существование. Русская идея всегда была и остается поныне тяжелым крестом, который выпало нести России, но без которого она не была бы (хорошо это или плохо – вопрос, лишенный смысла) тем, чем она была прежде и чем остается сегодня...” (с. 199–200).

На мой взгляд, более полного и четкого изложения – объяснения заслуживала та компонента классической Русской идеи, которая исповедует интеграцию в ней лучших черт разных национальных культур. Баталов показывает, что классическая Русская идея, в отличие от ее современных заскорузлых вариантов, не была одной из “антитезой” по отношению к Западу. Как говорил Соловьев (не отличаясь в этом смысле от других классиков): “...Россия не призвана быть только Востоком... в великом споре Востока и Запада, она не должна стоять на одной стороне... она имеет в этом обязанность посредническую и примирительную, должна быть в высшем смысле третейским судьей этого спора” (цит. по с. 137). Даже Ильин, как убедительно доказывает Баталов, “никак не может быть причислен к лагерю антизападников, как, впрочем, и к лагерю почвенников, куда его порой стараются затащить” (с. 169). Отношение классиков к Западу, как явствует из книги Баталова, диалектическое, включает и позитивное начало, но вот конкретная предметность этого позитивного начала заслуживала более полного раскрытия.

В характеристике истоков и генезиса Русской идеи Баталову присуще, на мой взгляд, одно противоречие. С одной стороны, он заявляет, что “Русская идея складывалась не как результат углубленных аналитических штудий, а как плод синтетических (гештальных) озарений, плод художественного воображения народа” (с. 29). Она (подобно Американской мечте) есть продукт «массового, народного творчества, “хоровой” продукт» (с. 39). С другой стороны, как следует из другого заключения, “Русская идея как более или менее целостный общенациональный миф, оформившийся во второй половине XIX–начале XX столетия, была продуктом творчества российских интеллектуалов, представлявших прежде всего русскую интеллигенцию как уникальный социально-профессиональный слой. И в этом, кстати сказать, одно из ее отличий от Американской мечты”. Последняя “тоже рождалась при участии... интеллектуалов”, «но при этом существовал мощный творческий импульс, поступавший “снизу”, со стороны тех, кто обживал, обустроивал Америку, кто, стремясь к американским берегам, вез с собой представление о Новом Свете – пусть оно было достаточно туманным – как земле обетованной, как стране его Мечты» (с. 195).

Возможно, другим читателям это противоречие покажется надуманным, легко объясняемым, но мне оно представляется реальным, заключенным в различной природе генезиса двух национальных мифологем. Американская мечта, на мой взгляд, действительно формировалась “снизу”, в гуще народа, по происхождению и сути будучи глубоко демократической. О Русской идее этого не скажешь. Она формировалась “сверху”, народ к ней отношения не имел или имел очень малое. Это определялось характером самой российской цивилизации, которая, по определению В. Ключевского (разделяемого рядом историков), была *расколотой*, разделенной на собственно “*цивилизацию*” и “*почву*”. Цивилизация совпадала с верхними, просвещенными слоями общества, к которым относилась и та часть интеллигенции, которая вынашивала Русскую идею. Народ же (“почва”) о ней ничего не знал. Да и мог ли пестовать ее субъект, о котором леворадикальные политики от Н. Чернышевского до В. Ленина говорили: “Жалкая нация, нация рабов, все рабы снизу доверху”. Русскую идею могли оттачивать только интеллектуалы из верхней части расколотой цивилизации.

Думаю, что и сегодня многие россияне даже не подозревают о существовании Русской идеи. Другое дело Американская мечта. О ней знает каждый американец от

мала до велика. Спросите любого из них, что такое Американская мечта, и тут же последует ответ. Поэтому в Америке и появляются исследования типа современного журналистско-социологического опроса С. Теркела, который блестяще разобран Баталовым. Теркел опросил сотни американцев из разных слоев, верят ли они в Американскую мечту и что это такое, составив в конечном итоге содержательную пухлую книгу. Возможно ли написать что-то подобное на основе опроса современных россиян по поводу Русской идеи? Сомневаюсь.

У Американской идеи, на мой взгляд, есть еще одно важное принципиальное отличие от Русской идеи. Для пояснения этого отличия уместно вспомнить известное и, как представляется, верное суждение классиков марксизма о том, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. Русская идея не только не формировалась массами, но и не овладевала ими, так и не став материальной силой. А Американская мечта, генерировавшаяся как “снизу”, так и “сверху”, овладевала и отдельными индивидуумами и народом в целом, становилась *реальной и мощной материальной силой*. Ее реальный материальный характер проявлялся в том, что воодушевленные ею индивидуумы улучшали и свое благосостояние, и благосостояние нации в целом, которое на протяжении вот уже почти столетий является лучшим в мире (а благосостояние отдельно взятых белых индивидуумов было лучшим в мире на протяжении всех четырех столетий американской истории, но, увы, картину портят показатели жизни чернокожих и индейцев). Он выразился также в том, что Американская мечта, овладевшая массами в целом, нивелировала или серьезно уменьшала значение классовых границ – представители нижних экономических классов рассматривали свое состояние как временное, хотя подняться на верхние этажи удавалось не всем. Это было одной из важных причин, объясняющих, почему классовые конфликты были в Америке в среднем слабее, нежели в других капиталистических обществах.

Обращаясь к генезису Американской мечты, Баталов называет точную дату появления этого словосочетания (1884 г. – на 24 года позже Русской идеи). Но уже в отличие от рассмотрения генезиса Русской идеи, он выделяет и анализирует в качестве принципиально важного огромный предшествующий период, начиная от переправки в 1620 г. в Америку корабля “Мэйфлауэр”, на котором пилигримы добровольно, без всякого вмешательства Бога или интеллектуала, составили договор о своих неотчуждаемых свободах, объединении в гражданское сообщество и учреждении политической власти. В период с 1620 по 1884 г. у Американской мечты появилось множество классиков, оттачивавших идеологему-мифологему, в которой, как, на мой взгляд, вытекает из всестороннего и объективного анализа Баталова, было заключено не меньше духовности, чем в Русской идее. Но в отличие от Русской идеи, Американская мечта в качестве главной ценности провозглашала свободу и права индивидуума, обязанность общества и власти обеспечивать равенство возможностей для них всех. И конечно, она обещала каждому из них в случае приложения “трудов праведных” обретение достойного количества материальных благ и восхождение по социальной лестнице.

Сколько граждан США реализовали Американскую мечту? К сожалению, отечественная американистика не дает удовлетворительного ответа на этот вопрос. В советский период наши американисты были озабочены главным образом поиском доказательства ухудшения положения народа США в разные исторические периоды. В постсоветские времена возможности объективного изучения экономической и социальной истории США резко расширились, но количество исследований по этой теме практически сошло на нет. Невозможно встретить ни кандидатских, ни докторских диссертаций, посвященных социальной мобильности в четырехвековой американской истории. Американские же исследователи разных школ по этой теме ведут ожесточенные споры. Проиллюстрирую это с помощью переведенных на русский язык уже на современном этапе двух классических фундаментальных работ по истории США, принадлежащих признанным лидерам соперничающих и даже непримиримых научных школ. Первая работа – это трехтомный труд лидера консерватив-

ной историографической школы Д. Бурстина [Бурстин, 1993^а; 1993^б; 1993^в]. Вторая работа – объемная монография “левого” историка Г. Зинна “Народная история США” [Зинн, 2006], изданная впервые в начале 1980-х гг. и выдержавшая в течение последующего периода около 10 изданий.

Труд Бурстина – это история предприимчивого американского народа и индивидуумов из самых разных социальных слоев, добывающих успехов в самых разных сферах, в первую очередь материально-экономической, на всех этапах истории. Это история тех, кого в Америке называют “победителями” (winners), и именно они, как явствует из труда Бурстина, составляют большинство нации, именно они представляют типичных американцев. Работа же Зинна – по преимуществу история тех, кто на разных этапах американской истории оказывались в рядах “проигравших” (losers) – это индейцы, чернокожие, испаноязычные, белые бедняки и подавляющее большинство женщин всех рас. Согласно Зинну, именно эти “проигравшие”, а отнюдь не “победители” составляли большинство нации, они и есть американский народ.

И труд Бурстина, и труд Зинна основаны на богатейшем фактическом материале, но, на мой взгляд, синтез обоих историков носит односторонний характер. Он заключает в себе значительную часть исторической истины, но все же не всю ее. В центре труда Бурстина находится белое население США, причем его мужская половина. Исследование этой части американского народа создает солидную, но не достаточную основу для выводов об успешной реализации Американской мечты. Бурстин откровенно отодвигает на обочину американской истории другие части народа. Эти другие части находятся в центре внимания Зинна, но его практически не интересуют “победители” из белой мужской части. А без их рассмотрения объективная истина тоже недостижима. Кроме того, следует учесть, что в последние 50 лет белые американские женщины и чернокожие уже обоих полов добились впечатляющих результатов в реализации для своих социальных групп *равенства возможностей*, этой фундаментальной основы Американской мечты. В результате их материальное положение и социальные статусы реально и серьезно улучшились (подробнее см. [Katz, Stern, 2006]).

Рассматривая эволюцию Американской мечты, Баталов выделяет в ней разные этапы и обнаруживает в них серьезные различия. До XX в. Американская мечта выступала в ее, можно сказать, классическом варианте, который возвеличивал свободного и самостоятельного в своем выборе, предприимчивого, самодостаточного индивидуума. На последующем этапе в Американской мечте произошли серьезные изменения, определившиеся становлением *массового общества* и *общества потребления*. В этом обществе, как показал еще в 50-х гг. XX в. американский социолог Д. Рисмен, происходит смена типа личности, а именно переход от личности, “ориентированной изнутри”, на личность, “ориентированную извне” (с. 280). То есть личность, которая самостоятельно определяла свои жизненные цели, установки, ориентиры (конечно, соразмеряя их так или иначе с ценностями общества), уступила место личности, потребности которой определяются и манипулируются корпорациями, производящими и внедряющими при помощи навязчивой и ненавязчивой рекламы предметы массового спроса. Произошла поразительная, фантастическая стандартизация Американской мечты, главное место в которой занимают уже не труды праведные, а престижное потребление и потребительский образ жизни. Но классический вариант Американской мечты не исчез, его архетип сохраняет значение в ментальности многих современных американцев.

Обратимся к вопросу, который занимает важное место в книге Баталова. А возможно ли восприятие Американской мечты россиянами или синтез ее с Русской идеей? Не могу не согласиться с тем, что интеграция лучших черт Американской мечты в российскую ментальность имела бы для России благоприятное значение. Выскажу, однако, ту мысль, что реальные признаки усвоения россиянами с переходом их в капиталистическое общество лучших черт Американской мечты отсутствуют или ничтожно малы. Зато очевидно восприятие ими трансформированной Американской мечты, то есть тех ее черт, которые выступили на первый план в обществе потребле-

ния. Но Америка, вызывающая восхищение и зависть многих народов мира, оформилась в результате нескольких столетий реализации именно классического варианта Американской мечты. Увы, к его восприятию Россия – как ее народ, так и элита, готовы в наименьшей степени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баталов Э.Я.* В мире утопии. М., 1989.
- Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. Анализ современных американских концепций. М., 2005.
- Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990.
- Баталов Э.Я.* Политическая утопия в XX веке. Вопросы теории и истории. М., 1996.
- Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.
- Баталов Э.Я.* Человек, мир, политика. М., 2008.
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.
- Бурстин Д.* Американцы: демократический опыт. М., 1993^а.
- Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт. М., 1993^б.
- Бурстин Д.* Американцы: национальный опыт. М., 1993^в.
- Зинн Г.* Народная история США. М., 2006.
- Никитенко А.С.* Дневники. Т. 1–3. М., 2005.
- Katz M.B., Stern M.J.* One Nation Divisible: What America Was And What It Is Becoming. New York, 2006.

© В. Согрин, 2010